

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРЯДА КРЕМАЦИИ У НОСИТЕЛЕЙ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Князева А.В.

Алтайская государственная педагогическая академия

Барнаул, Россия

THE PROBLEM OF «ANDRONOVSKAYA» CULTURE BEARERS CREMATION RITE RECONSTRUCTION IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA

Knyazeva A.V.

Altay state pedagogical academy

Barnaul, Russia

Обряд кремации является одним из ключевых в погребальной практике древних обществ, проживающих в эпоху бронзы на обширной территории юга Западной Сибири. Он имеет глубокие корни, восходящие к древнейшим культовым практикам (Бойс 1987: 10; Добровольская 2010: 85). Свое отражение аналогичная практика нашла и у носителей андроновской культуры юга Западной Сибири.

Использование кремации на этой территории зафиксировано неравномерно. В значительной степени обряд сожжения был распространен на просторах Казахстана и Верхней Оби, для южной Сибири он был крайне редок. Исключительные случаи кремации были зафиксированы на таких крупных могильниках, как Сухое озеро I, Орак, Усть-Ерба, Подкунинский Улус. Такая редкость использования обряда кремации в южносибирских могильниках андроновской эпохи свидетельствует о том, что сожжение не было рядовым для минусинского региона и применялось к людям, занимавшим значительное общественное положение в своей среде. Следует обратить внимание на тот факт, что использование кремации в основном было характерно для андроновского населения, проживавшего в лесостепных районах юга Западной Сибири (Хлобыстина 1973: 53-55). Таким образом, если на территории западной части андроновской общности трупосожжение выделялось в качестве отличительной черты погребального обряда (Косарев 1981: 117), то в восточной части оно не стало господствующим и встречалось значительно реже.

Опираясь на локальные и универсальные особенности совершения обряда кремации, можно реконструировать его следующим образом.

Чаще всего кремированные останки располагались в могиле в виде компактной груды кальцинированных костей, которая размещалась в центре или в восточной части погребальной камеры. Условия, при которых проходил процесс кремирования, вероятнее всего, были очень схожи, о чем свидетельствует характер кремированных останков. Большинство костей из погребений с трупосожжением имеют характерный бело-серый цвет снаружи и серый или пепельный внутри. Их внешняя поверхность покрыта мелкими трещинами, поверхность равномерно обожжена (Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин 2003: 65).

После сжигания тела умершего кости иногда выбирались из прочей массы. На памятниках, расположенных в Кулундинской степи (Рублёво-VIII) в могилах с кремацией угли встречаются редко (Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин 2003: 64). Наиболее частыми находками являются груды кальцинированных костей (иногда вместе с ними находился сосуд). На территории Гилёвского археологического микрорайона (могильник Чекановский Лог-10) напротив следы огня в виде углей встречаются в каждом захоронении, совершенном по обряду трупосожжения (Демин, Ситников 2007: 53). Такое расхождение в деталях обряда позволяет сделать вывод о том, что отделение костей от продуктов горения не было обязательным элементом процесса трупосожжения.

Вероятно, тело самого покойного «федоровцы» сжигали без одежды, так как в противном случае среди кремированных останков должны были бы сохраниться расплавившиеся остатки металлических украшений, нашитых на одежду (Сотникова 2003: 183). Однако это не исключает того факта, что одежда могла быть полностью органической.

Размеры могильной ямы в разных случаях могли достигать размеров захоронений взрослых андроновцев, совершенных по обряду ингумации. Существует несколько вариантов объяснения непропорционально больших размеров федоровских погребальных камер по сравнению с площадью, занимаемой в них кремированными останками. Один из них был предложен М.П. Грязновым. Он предположил, что в могилу кроме пепла погребали какое-то подобие умершего, сшитое из мягких материалов и одетое в одежды покойного. Этим можно объяснить и то, что находимые в погребениях украшения не имели следов пребывания в огне. Ориентация захоронений с трупосожжением соответствует правилам погребального обряда. Если ритуальная посуда располагалась в восточной части могилы и её ставили у головы покойного, то соответственно можно говорить о восточной ориентировке погребения (Грязнов 1970: 37).

Эта версия получила широкое распространение и за пределами Западной Сибири. Э.Б. Вадецкая предположила, что умерших одевали в подлинную одежду покойного, таким образом стремясь придать кукле сходство с покойником, подчеркивая его индивидуальные черты (Вадецкая 1985: 36–38; 1986: 134). Андроновцы могли собирать кремированные кости в мешочек, но помещать его не в куклу, а заворачивать в одежду умершего, расшитую бусами, бляшками и пронизками (Сотникова 2003: 179).

Развивая эту точку зрения, можно прийти к выводу, что захоронение так называемой «куклы» производилось по всем канонам и правилам, которые действовали при совершении обряда ингумации.

Трупосожжение могло находиться в одном погребении с ингумацией. Такое сочетание двух совершенно разных способов обращения с умершими является весьма редким для

погребального обряда андроновцев, населявших юг Западной Сибири. На территории Барабинской лесостепи такое захоронение было зафиксировано один раз на памятнике Абрамово-4 (Молодин 1985: 109). На территории лесостепного Алтая известны случаи подобного сочетания на памятниках Фирсово-XIV и Чекановский Лог-10. В первом был обнаружен скелет мужчины и кальцинированные кости, которые, судя по набору украшений, принадлежали женщине (Шамшин, Ченских 1997: 52). Во втором было зафиксировано парное захоронение мужчины и женщины, совершенное по обряду кремации и ингумации соответственно, к кремированному, вероятно, относился и найденный сосуд (Демин, Ситников 2007: 31-32). Наиболее распространенным такой вид погребения был на территории Северного и Центрального Казахстана, однако эта территория не входит в границы обозначенных территориальных рамок. М.Д. Хлобыстина отнесла этот вид захоронений к особому типу, который обозначила как «биритуальные» (Хлобыстина 1976: 8). В.И. Молодин поддержал её в том, что выделение таких комбинированных погребений в отдельную группу совершенно справедливо. Однако термин «биритуальных» обрядов он посчитал неверным, подчеркнув, что это не два обряда, а один, причина которого еще не выяснена (Молодин 1985: 109).

Таким образом, проведенная реконструкция обряда кремации позволяет сделать вывод о том, что это довольно сложный во всех отношениях процесс с определенной последовательностью совершения и мировоззренческой нагрузкой.

Литература:

Вадецкая Э.Б. 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука.

Вадецкая Э.Б. 1985. Мумии и куклы в погребальной обрядности народов Западной и Южной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: 36-38.

Грязнов М.П. 1970. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. Вып. 122: 37-43.

Демин М.А., Ситников С.М. 2007. Материалы Гилевской археологической экспедиции: Ч.1. Барнаул: Изд-во БГПУ.

Добровольская М.В. 2010. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224: 85-97.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В, Позднякова О.А., Шамшин А.Б. 2003. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юна Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: 62-85.

Косарев М.Ф. 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука,

Мэри Бойс. 1987. Зороастрийцы: обычаи и верования. М.: Наука.

Молодин В.И. 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука.

Сотникова С.В. 2003. Андроновский (фёдоровский) обряд кремации: к реконструкции ритуала // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири: сборник научных трудов. Барнаул: 178-184.

Хлобыстина М.Д. 1973. Некоторые особенности андроновской культуры Минусинских степей // СА. №4: 50-61.

Шамшин А.Б., О.А. Ченских. 1997. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая (по материалам могильника Фирсово XIV) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: 52–56.